

К ВОПРОСУ О ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация: Статья представляет опыт теоретического обоснования проективных возможностей культурологии в обстоятельствах содержательно-смысловой недостаточности.

Ключевые слова: культура, прогноз, тенденция, социальный проект.

V. V. Lysenko

Ural State University of Economics

Yekaterinburg

ON THE QUESTION OF THE CULTURAL STUDIES' PREDICTIVE ASPECT

Abstract: The article presents the experience of theoretical substantiation of the projective possibilities of cultural studies in the circumstances of content and semantic insufficiency.

Keywords: culture, forecast, trend, social project.

Целью предлагаемой статьи является утверждение специфического эпистемологического статуса прогностической функции культурологии. Отсюда вытекают следующие задачи: диагностика актуальной социокультурной ситуации, концептуализация конструктивной способности нового гуманитарного дискурса.

Предсказательные возможности обществознания находились в центре внимания К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Поппера, А. Тоффлера и других

классиков эпохи модерна [1; 2; 3; 4]. При этом их основные усилия были направлены на борьбу с монополией каузальности. По крайней мере, из сегодняшнего момента выглядит так, будто авторы пытались идти вперед с головой, повернутой назад. Постмодерн в лучшем случае переворачивает классические представления с ног на голову, но чаще выворачивает наизнанку. Старое и новое меняется местами. Полагание, на поверку, оказывается отрицанием. Квантово-механическая картина мира исключает прогноз как задачу. При этом традиционные отрасли социального знания в своей прогностической части по-прежнему, как ни в чем не бывало, сливаются в гадательной футурологии [4].

Наукообразное выражение мировоззренческих предпочтений авторов с поправкой на соответствие ожиданиям профессионального сообщества, а по возможности, и более широкой публики. Ускорение исторического времени приводит к истончению и разрывам последнего. В такие моменты радикальные прогнозы особенно хорошо продаются. История, от которой не осталось даже уроков (хотя наказание за их невыполнение никуда не исчезло), окончательно «эволюционировала» в рассказы о будущих приключениях не бывавшего прошлого.

Социальная философия принципиально рассматривает общественное бытие как первичное по отношению к его обстоятельствам [5]. Именно в культурологии «бесхозное» будущее имеет лучшие шансы к осуществлению в качестве предмета самостоятельного научного интереса.

До последнего времени культурология самоопределяется между механическим агрегатом из тем и разделов соседних наук, с одной стороны, и бытописанием с этнографическими акцентами, с другой. Как учебная дисциплина она вводилась в авральном порядке в рамках экстренной модернизации высшего образования. Лепили из того, что было. Предмет и метод должны были кристаллизоваться в процессе. В итоге «экологическая» ниша и академической, и вузовской культурологии остается открытой проблемой [6]. Такая познавательная ориентация может быстрее всего способствовать реализации культурологического проекта как интегрального обществознания. До сих пор культурный концепт заимствовался из смежных исследований, где он играет подчиненную роль и не имеет собственной онтологии. Соответственно, культурология, оказавшись на «стыке» всего, чего можно, сводилась, в лучшем случае, к суммированию и обобщению результатов. Очевидно, эмансипация и самоутверждение возможны лишь

«заземлением» ключевого феномена. Понимание культуры как формы социальной материи в аристотелевском значении слова позволяет «узаконить» положение дисциплины в системе гуманитарных наук.

Здесь время выступает не безразличной длительностью, но агентом сотворчества, как эйдетическое. Преемственность больше не является главным демиургом происходящего, так что классическое прогнозирование с его сравнениями, аналогиями и продолжением тенденций окончательно себя исчерпало [3]. Теперь предсказание заключается в выяснении порядка, в каком свернутые («еще не-сущие») потенции вызываются к бытию. И здесь будущее — ключ к пониманию растущего из него настоящего. Соответственно, вектор исследования противоположен привычному.

Разреженного настоящего недостаточно для собственного определения (отсюда терминология с приставкой «пост»), и его всякий раз приходится достраи- вать до полного. Если положительная часть названия происходящего заимствуется из прошлого, то материал для строительства, естественно, берется из перспективной проекции. Тем более, современная культура бытует по преимуществу как проект. Социальное программирование чем дальше, тем уверенней подменяет актуальное функционирование и воспроизводство. Так что разговоры о современности, за неимением предмета, сводятся к обсуждению «дорожной карты» и средств достижения «целевых показателей». Культурология разрыва между прошлым и будущим работает с пустыми формами вместо смыслов. Слова есть, а предметов, которые они означают, уже/еще нет [5].

Наряду с минусами здесь большой плюс в отсутствии заданности, который, правда, с другой стороны, делает исследователя легкой добычей текущей повестки. Но если избежать ближайших соблазнов, из сложившейся познавательной ситуации можно извлечь немалые выгоды. Сейчас культурное гипоста- зирование и конструирование, по сути, совпадает с культурным строительством. Форма непосредственно ложится на радикальную неопределенность момента. И предсказание как полноценное здесь — присутствие небывалого сразу становится его описанием, причем, именно рисунком с натуры. Такое буквальное творческое преимущество культурология получает, прежде всего, из ее указан- ной выше академической слабости. Ранняя стадия методологического само- определения дает известную свободу рук, тем более что смелость прогнозов

в описанных обстоятельствах не снижает их эвристического потенциала и преобразующей силы. Скорее, наоборот. Контрастные краски хорошо заметны на отменяемом «естественном» сером фоне. Инерция и имитация, суррогаты и симулякры — вот главное «содержание» современной культуры. (Так что феноменология становится инвентаризацией.) Есть, где разгуляться кантовскому рассудку, постигающему в «природе» собственные порядки. Здесь познание — одновременно проект и конструкция в режиме реального времени. В отсутствие сущностей балом правят фантомы. Но, как известно, иллюзии реальны своими последствиями. И было бы большим упрощением буквальное отождествление предсказания с построением: тугоплавкая материя «последствия» вносит существенные коррективы в самые скромные планы. С другой стороны, результирующая возвращает истории ее объективную логику. Проект же на вторичной волне может надежней прокатиться к собственной аутентичности и обрести возможную в «предлагаемых обстоятельствах» историческую субъектность. Кроме прочего, в таком синтезе снимаются крайности плоского волюнтаризма и механического детерминизма.

Библиографические ссылки

1. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 7–544.
3. *Поппер К.* Нищета историцизма М. : Прогресс, 1993.
4. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М. : Изд-во АСТ, 2002.
5. *Корнильцева Е. Г., Лысенко В. В.* Спасение диалектикой // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы: Материалы Междунар. науч.-метод. семинара 18 марта 2015 г. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 100–104.
6. *Корнильцева Е. Г., Мылтасова О. В., Юшкова Т. А.* Перспективы культурологии в учебных программах негуманитарных специальностей // Глобальный научный потенциал. СПб. : ТМБпринт. 2016. № 12(69). С. 60–62.